

Дмитрий РАСКИН

Дмитрий Раскин родился в 1965 году. Учился в Горьковском пединституте, кандидат культурологии. Автор нескольких книг стихов и прозы. Публиковался в журналах «Артикуляция», «Крещатик», «Новый континент», «Артикль», в альманахе «45-я параллель» и др. В «Волге» печатались рассказы (2019, 2020). Живет в Нижнем Новгороде.

Город Верхний Маслёнок и главная его достопримечательность

Рассказ

Вадим Андреевич Плужников весь учебный год приходил в себя после развода, а по окончании этого самого года решил, что хватит «приходить в себя» и пора наконец развод отпраздновать. И действительно, ему только чуть-чуть за пятьдесят, он профессор одного из лучших московских вузов, впереди еще целая и довольно-таки насыщенная, будем надеяться, многогранная жизнь. Вадим Андреевич взял самую лучшую каюту на двоих на теплоходе до Астрахани. С ним будет Верочка: юношеская его – да что там! – первая любовь. С Верочкой не сбылось. А теперь она тоже свободна, ее дети тоже уже выросли и живут своей жизнью. «Не сбылось» – какое ностальгическое, печальное, душевное слово... исключаящее его, Вадима, вину. Ладно, всё давно уже не имеет значения.

Словом, он запланировал такое вот небольшое сентиментальное путешествие.

Верочка – довольно цветущая, он не ожидал. Она лучше, чем на всех своих фото. Ей, получается, даже идет этот возраст? Тогда у неё была неловкая, суетливая страстность вперемешку с угрызениями за то, что позволяет любимому слишком многое, сейчас – опыт женщины, не обольщающейся насчет своего будущего – и пытающейся выжать максимум из настоящего.

– Понимаешь, мы должны радоваться каждому мгновению, каждой мелочи жизни, – поучает Верочка. – Жизнь прекрасна и неисчерпаема, просто мы, зашоренные, ограниченные собственной самостью, не можем этого понять. Мы разучились восторгаться. Нам протянули дар, а мы капризничаем, не знаем, как взять, подозреваем, что нас обманывают. Нам просто надо отказаться от ложных потребностей, от ненужных мыслей, – объясняет, старается Верочка. – Мы должны научиться слушать свою душу. Надо сменить оптику, сам угол зрения, понимаешь? Это творчество, высшее творчество живого **ви**дения. Творчество собственной жизни.

Это ее восторженное, заёмное, какая-то смесь из наставлений всевозможных учителей «правильной жизни», что дают своей пастве лишь скольжение по поверхности и более-менее наивное самодовольство. И больно ему было сознавать, что она, получается, «из толпы». Ему только нравилось, как она называла теплоход: «Наш Титаник». Трогательно у нее получалось.

– Понимаешь, жизнь прекрасна! – упивается Верочка.

А ему уже хочется съязвить, зло так добавить: и удивительна. Но ничего, ничего, этот теплоход, эта нега, это счастье... И любовные их усилия почти всегда заканчиваются ее оргазмом. Это возвышает.

...На обратном пути теплоход делает остановку в городишке под названием Верхний Маслёнок. Как всегда, экскурсия по городу. Городишко как городишко, и раздражают Верочкины восторги насчет «наших исконных корней», «особой энергетики»

и «места силы» (у нее в каждом городе так), но Вадим Андреевич вдруг ловит себя на том, что и ему хочется, чтобы здесь оказалась вдруг жизнь тихая, светлая, гармоничная. Вот так, вопреки очевидности.

В первом зале городского музея был представлен череп мамонта с одним бивнем, в последнем же стенд, посвященный местной фабрике йогуртов – весь исторический путь города. Экскурсию по музею для их группы вела директриса Алина Игоревна, совсем еще юная и такая милая, добрая, что в самом деле начинаешь верить, будто возможна жизнь тихая, светлая в этом городке. «Жаль только, что она, скорее всего, располнеет лет этак через пять-семь», – мысленно вздохнул Вадим Андреевич. И что понравилось ему, в ее речи совсем не было экскурсоводческих штампов. И дежурной экскурсоводческой интонации не было. И чувствуется, она увлечена своим делом.

Научный сотрудник музея Антон сейчас поведет их группу к главной городской достопримечательности. На выходе бабушка, «служительница музея», сказала им, что Алина Игоревна директорствует у них совсем недавно, но уже столько сделала, «вдохнула новую жизнь».

Антон, белокурый, рослый, лет тридцати, уже полнеющий, привел их на главную площадь. Ну да, здание администрации, флаг, всё как положено (два тинейджера из их группы тут же начали состязаться в остроумии насчет «главной площади»), далее мост через не слишком широкую реку, неподалеку от входа на мост памятник.

– Справа от вас памятник Николаю Кошкину, – провозглашает Антон хорошо поставленным голосом. – Установлен в две тысяча двенадцатом году на месте его будки сапожника, в которой он самоотверженно трудился в семидесятые-восемидесятые годы прошлого века, – Антон отходит чуть в сторону, дабы не мешать туристам делать фото. – Он работал по патенту, так сказать, единственный в нашем городе предприниматель за все годы Советской власти.

– И за это памятник? – усомнился стоявший за Вадимом Андреевичем и Верочкой преисполненный самоуважения седовласый человек в панаме.

– Однажды Николай Кошкин заработался в своей будке допоздна, потому что взял срочный заказ. Закончив работу, он почувствовал невероятную усталость, и голова его уже начала клониться ко сну, но вдруг, – драматичная пауза Антона, – он услышал звук падения тела с высоты в воду. С него мгновенно слетел весь хмель. Он выскочил из будки и увидел, как тонет девушка, только что прыгнувшая с моста. Не раздумывая ни секунды, он бросился в холодные волны нашей коварной, изобилующей глубокими омутами реки и вытащил несчастную на берег. Николай Кошкин отогрел девушку в своей будке, напоил чаем и выслушал ее исповедь. Да! Как вы все, конечно же, догадались, девушка хотела покончить с собой из-за неразделенной любви. Николай нашел для нее слова и уговорил ее жить. И никому не рассказал о своем подвиге, так как за попытку суицида девушку ожидали неприятности, в том числе и по комсомольской линии. И вот уже через год наша девушка счастливо вышла замуж за завстоловой Брусницына Анатолия Федоровича. С тех пор Николай Кошкин почитается в нашем городе в качестве покровителя всех влюбленных и радостей семейного очага.

На группу действовало, группу, можно сказать, проняло.

– Видите, – Антон показывает на ленты, шарики и замочки, украшающие памятник, – молодые в обязательном порядке едут к нему, сразу же после церкви и вечного огня.

Памятник представлял собой бронзового человечка в натуральную величину. Человечек зажал между коленями башмак с надорванной подошвой, в руке у человечка молоток, в другой руке гвоздик, и еще один гвоздик человечек держит во рту. Сидит он не на табурете, что было б естественно для сапожника, а на длинной садовой скамейке. Очевидно, чтобы туристы могли сесть рядом и сфотографироваться.

– Будка Николая Кошкина стала чем-то вроде клуба, люди приходили сюда пофилософствовать с ним, насладиться метким словом этого пьяненького человека. Его экспромты и каламбуры были необыкновенно популярны в народе. К сожалению, до

наших дней не сохранились. Так сказать, утерянное наследие. Здесь, – Антон показывает на площадку перед памятником, – был такой островок свободы. А вскоре Николай и вовсе стал ночевать в своей будке. Говорил, что это он на посту, чтоб с городом ночью не случилось чего плохого. Можете отнестись к этому идеалистически, можете материалистически, но с городом действительно ничего не случилось. – У Антона это такой откровенно заученный текст, пусть он добросовестно пытается читать его артистично. – Однажды к нему пришел заместитель председателя горисполкома и спросил, не нужно ли ему, сапожнику, чего? «Боженька дал мне солнышко, дал мне небушко, можешь ли ты, человек, добавить здесь что?» Тогда начальник сказал, что он может чего-нибудь убавить у Николая Кошкина, на что наш сапожник ответил: «У меня ничего нет, и всё, что есть на свете, не было и не будет моим никогда. Но все *не мое* – мое. А что здесь твое, человек?»

Скульптор намеревался изобразить Николая Кошкина веселым и мудрым. В какой-то мере ему удалось, но все-таки прежде всего получился памятник благому намерению скульптора.

– Обратите внимание, памятник выполнен с предельной исторической достоверностью, – говорит Антон. – Видите, молоток Николай Кошкин держит в левой руке. Дело в том, что он был левшой при жизни.

Люди группы прикинули, где право, где лево – и точно. Надо же!

– Я, – Антон сделал эффектную паузу, – внук Николая Кошкина.

– О! – выдохнула группа.

– Если потереть нос Николая Кошкина, – говорит Антон, – то будет удача в любви и общее счастье. Да и для укрепления иммунитета помогает.

Группа выстроилась в очередь к натертому до блеска носу Николая Кошкина.

Антон, реагируя на смешки:

– Очень хорошо. Николай Кошкин любил, когда люди смеются. Он не боялся быть смешным, всегда радовался, если смог поднять человеку настроение.

– Замечательно, – Вадим Андреевич шепотом, чтобы слышала только Верочка, – тут и смесь Диогена с русским юродивым, и кое-что из дзэн, и вариации на тему «и последние станут первыми», и любимое наше о «душевном, смиренном и мудром алкоголике», и о «простеце, носителе высшей Правды», как же без него.

Верочка в общем-то с ним согласна, но... В этом «но» всё и дело. И действительно, чего это он, Вадим, придирается. Пусть будет такой вот миф, безобидный же, в чем-то трогательный. Да и городишко с него в основном и кормится.

– Пожалуйста, сюда, – распоряжается Антон.

В лавке, стилизованной под будку сапожника, всевозможные сувениры: копии памятника Кошкину, значки, брелки, майки с Кошкиным, пряники с профилем Кошкина, фигурки кошечек и всё такое прочее.

– Вадик, возьми, – улыбнулась Верочка.

Действительно, и ей на память, да и себе – коллегам покажет, студентов развлечет.

На обратном пути Верочка зашла в магазин, ей интересна местная бижутерия, а Вадим Андреевич заскочил в музей. Алина Игоревна была еще у себя. Повезло, надо же. Вадим Андреевич представился, вручил визитку (произвел огромное впечатление!). Сказал, что его очень заинтересовал Кошкин и всё, что с ним связано, где можно было бы узнать подробности? Нет, лучше так – начнется учебный год, и он возьмет командировку от своей альма-матер (за секунду сам не знал, что скажет это!), придет, займется архивами, будет такое исследование по Кошкину. Алина Игоревна счастлива. Что-то такое начинает о том, что они в музее как раз сделали служебную квартиру, и это будет гораздо дешевле, чем в гостинице, то есть это будет для него вообще бесплатно(!), а Кошкиным никто серьезно не занимался, и ей даже не верится, что... нет, она просто боится сглазить.

Когда говорил «об исследовании», чувствовал себя немного Остапом Бендером, а вот когда сказал! когда увидел ее радость – все стало по-настоящему и взаправду. И быть теперь не могло иначе.

«Москва», – сказал и сладко потянулся Вадим Андреевич. Сознает фальшь и слова, и жеста. Еще несколько минут, и он возьмет их вещи, и они окажутся на Речном вокзале. Верочке надо знать только одно – будет ли *продолжение*. Его ностальгия, замешанная даже не на жалости к самому себе, а так... из общей сентиментальности. Его счастье этих дней, его радость, его свобода (кое-какая свобода!), кое-какой покой и то, что посчитал *самой* полнотой бытия – он не отрекается сейчас от всего этого, но... он устал. Получается, устал от того своего, что больше и глубже его? Вот как. Не ожидал от себя. Думал, что в таком-то возрасте уже невозможны новые разочарования в себе самом, впрочем, разочарование довольно несильное, м-да... Устал от Верочки, любящей, цепляющейся за эту свою любовь и вроде бы не виноватой. Умножающей эту его бездарность? Ему и жалко ее (новый оттенок жалости к Верочке), но с ней ему не хватает воздуха.

Она поняла – *продолжения* не будет. Вдруг поняла. Надеялась до последнего? Если б она требовала, умоляла, добивалась, как и было у них в юности... было бы легче, он был бы в таком случае прав, почти прав. А она только лишь *поняла*, и всё. Женщина, у которой впереди... вряд ли что ничего, но точно, что «ничего особенного», она понимает. Но что он может здесь?

Уже перед тем как сесть в такси, пожала руку ему на прощание, сказала, он не понял, с вызовом или же просто: «Вот урвала себе хоть какой-то кусочек счастья».

Он выхлопотал себе командировку в Верхний Маслёнок. (Поворчали, но дали. Он знал, ему не откажут.) Поехал, сам толком не зная, ради Николая Кошкина или же чтобы увидеть Алину Игоревну.

Алина так обрадовалась ему. То есть она рада, что Кошкин стал объектом изучения такого крупного историка, но он же видит, Кошкин Кошкиным, а она радуется ему.

Служебная квартира оказалась комнаткой в мансарде музея, такая, со скошенным потолком, пахла свежим деревом, а если по крыше ходят голуби, их слышно. А значит, будет слышен и мерный ночной дождик. Еще чуть-чуть – и здесь будет холодно, но в комнате заранее поставили мощный обогреватель. Какая-то совершенно домашняя скатерть на маленьком столике, и совершенно домашняя, можно сказать, детская чашка, и даже книжки на полке – Вадим Андреевич не сомневался, все это подготовила сама Алина.

Он заказал материалы в двух архивах, в городском и в бывшем партийном, Алина дала ему список людей, которые могли бы хоть что-то рассказать о Кошкине, и люди ею уже предупреждены. Самой же ей в свое время пришлось выдержать такие битвы с местными ретроgrадами и мастодонтами из-за Кошкина. От нее требовали лакированной мертвечины, мифа, им не нужна история. В общем, чуть место свое не потеряла. А она тогда еще студенткой была, заочницей, и место – всего-то в библиотеке.

Сразу же неприятность – в архиве материалы придется ждать два дня, а в партийном целых три. Черт! Ладно, он попросит, чтобы Алина показала ему город. Но вдруг у нее экскурсии? Нет, слава богу, никаких теплоходов, вообще никого. Алина жалуется, что мало теплоходов. И городская администрация этим тоже озабочена. Вадим Андреевич говорит, в таком случае надо, чтобы дамы из городской администрации встали вдоль берега, где-то по пояс в воде (кто по пояс, кто по горло), этак вроде сирен, чтоб своим пением завлекать проплывающих путешественников, рыбаков и прочих браконьеров.

Только-только вступала в свои права золотая осень, и как-то угадывалось, что будет она роскошной и долгой – как специально для того, чтобы проще было влюбиться в Алину. Только он уже любит! Просто не сразу понял. Не ожидал от себя? Неужели ему уже надоело любить себя самого, а ведь потратил на это всего-то полвека. Ее улыбка, ее голос, ее волосы, ее? А неважно, что там еще «ее» – он любит Алину.

Было кафе. Алине неловко, что он платит за нее. Так трогательно. На следующий день он приглашен к ней. Ее мама учительница на пенсии, со всеми основными предрассудками своей профессиональной среды, но наивная, порядочная. И это сочетание почему-то вызывало у Вадима Андреевича жалость. И еще ему было немного неловко перед ними, потому как они принимают его за человека гораздо более значительного, чем он был на самом деле.

Документы Кошкина перед ним: от справки о рождении до свидетельства о смерти. А между? В основном протоколы заседаний профкома, завкома и товарищеских судов – первую половину жизни Николай Кошкин проработал на местной обувной фабрике (обанкротилась в середине девяностых, главный корпус продан, остальное брошено). «Доставлен в вытрезвитель», «нецензурно выражался в общественном месте», «в состоянии алкогольного опьянения пытался склонить гражданку Чубарову к вступлению с ним в половую связь». Обвинения были стандартны. Интересны были лишь оправдания: Кошкин явно юродствовал, точнее, шел на грани покаяния и издевки над покаянием, а заодно и над трудовым коллективом, этого покаяния требующим. Судя по всему, коллектив его издевки не понимал.

Уже ночью, при выключенном свете: «А согласилась бы Алина переехать в Москву? Боже, куда меня понесло. Боже! Ну почему они с Алиной такие разные, с разных планет?! Так! Взял себя в руки. Заткнулся. Быстро! И эта разница в возрасте. Но Алина, если она полюбит – возраст для нее ничего не значит, не будет значить! Всё, кажется, уже прекратил истерить. То-то же. Спать. Надо сосредоточиться на процессе засыпания. Но полюбит ли она его?»

Вадим Андреевич позвал Антона в бар. Расчет был правильный, Антона развезло с первой рюмки (в таком-то возрасте!). Это у них наследственное, что ли? Но никаких секретов о деде не выдал. Ничего себе! Удалось только узнать, что он Николаю Ивановичу Кошкину на самом деле не внук, а внучатый племянник. Но это у них в музее не обман никакой, это так, для краткости. Увеличение дозы алкоголя дало обратный эффект – Антон потерял способность хоть к какой-то коммуникации. Единственная адекватная мысль, на какую его хватило: «Я пьян в говно». Пришлось вызвать ему такси, только он не мог уже сказать свой адрес. Но таксист (о счастье!) его адрес знал. Городок действительно маленький.

Они с Алиной на мосту. На том самом, где совершил когда-то свой подвиг Николай Кошкин. Река уносит первые листья. Листья клена. Алина спросила, что удалось ему в архиве? Но не хотелось сейчас о Кошкине. Сказал только, что никогда не рассказывает о промежуточных результатах. Может, он и не прав, но так уж у него сложилось. Алина его поняла, извинилась за бестактность.

Первым в списке был сын Кошкина от второго брака. Сухонький старичок чинил во дворе сарай. Попросил Вадима Андреевича прийти «опосля обеда». Самое то будет, за бутылочкой и поговорят. Вадим Андреевич намек понял и купил бутылку «столичной». Будь на его месте какой-нибудь кабинетный ученый, решил бы: хозяин намекает, что будет угощать столичного гостя. Но он, Вадим, все правильно понял.

Петр Николаевич, в отличие от своего родственника, Антона, вообще не пьянел. И вот уже Вадим Андреевич дает ему деньги на вторую бутылку. Ну что же, в интересах

исторической правды. Жаль, конечно, что в его командировочных такие расходы не предусмотрены. Интересно только, хватит ли его печени на историческую правду? А вот уже и Петр Николаевич вернулся с бутылкой.

За второй бутылкой Вадим Андреевич узнал, что папа Петра Николаевича пострадал за правду. «А как у нас страдают за правду, знаешь?! – трясет своим указательным Петр Николаевич. Далее в вольном переводе с мата: – Да что ты вообще, интеллигентшишка, знаешь?! Жизни не нюхал в ституте своем. Десять лет дали. Но батя и на зоне себя показал. Уважали и зэки, и вертухаи. Понял? Потому что Николай Кошкин! Потому как мы, Кошкины, порода такая. Несгибаемая. Нас убить легче, нежели сломать. Понял?! Вот мне однажды мой начальник участка попробовал было...» Вадим Андреевич не сразу сообразил – старик просто несет сейчас всё, что придет в голову. Врет, и ведь без какой-либо зловредной цели. Просто *по вдохновению*. А сейчас ему предстоит выслушать монолог, долгий и преисполненный самой что ни на есть задушевной, трогательной любви Петра Николаевича к самому себе, подумал Вадим Андреевич и не ошибся.

Алина сводила его в местный театр. Что тут сказать, неплохо, даже очень неплохо, но у них такой... проглотил слово «замшелый», сказал «консервативный» репертуар.

Проводил ее до дома. Прощаясь, поцеловал. Не удержался. Он хотел, чтобы их отношения развивались медленнее. Пусть впервые в жизни у него будет медленно. Алина отнеслась серьезно и радостно.

Вадим Андреевич разбирает новые папки архивных материалов. А как Кошкин так долго мог оставаться частником? Вообще-то такое бывало. Редко, но бывало. Полжизни прожил Николай «пережитком частной собственности». А в следующей папке было о том, что двадцать пятого июня одна тысяча девятьсот семьдесят девятого года гражданин Николай Иванович Кошкин «спас утопленницу».

Матвеичев, в прошлом участковый Николая Кошкина (это не из списка Алины, это результат архивных изысканий), давно уже не встает с кровати, но он явно в твердой памяти. Кажется, Вадиму Андреевичу повезло. В разговоре о Кошкине бывший участковый упорно держался официальной версии. Все сказанное им мало чем отличается от того, что слышал Вадим Андреевич в музее и на экскурсии от Антона. Говорит примерно такими же музейными штампами. Всё, что удалось Вадиму Андреевичу найти в архивах, Матвеичев отрицает. Казалось бы, нечего уже бояться человеку, и ответ предстоит держать только лишь перед Создателем, так нет! Не сознается. Но ведь по его же бумагам и был последний товарищеский суд над Кошкиным! Матвеичев в ответ говорит о том, что будка Николая стала «настоящим местом паломничества...». Сказать, паломничества кого именно, сил у него уже не хватило. Вадим Андреевич от души пожелал ему здоровья и вышел.

В сенях, провожая, жена Матвеичева сказала, что «Кольку дети из дому выгнали». И столько радости у нее от того, что дети Кошкина «такие звери», и от того, что Колька Кошкин «такой гадина, что жить с ним под одной крышей никак нельзя». А Вадим Андреевич теперь знает, почему Николай Кошкин переселился в свою будку-бочку и встал «на защиту города».

Вадим Андреевич и Алина гуляли до рассвета. Было холодно. Холодно и весело.

Вадим Андреевич давно уже привык, что им восхищаются студентки и аспирантки. Их бескорыстные восторги и не совсем бескорыстные – он знает им цену. Но восхищение Алины – это другое. Совсем другое – это Вадим Андреевич уже сквозь сон.

Старушка, «служительница музея», постучала в дверь:

– Вадим Андреич! К вам тут пришли.
– Кто? – удивлен не проснувшийся толком Вадим Андреевич. – Который час? Проспал, надо же! Сейчас спущусь.

В служебной комнате музея его ждал немолодой человек, худощавый, с большими залысинами, в очках.

– Плужников Вадим Андреевич? – пришедший не знал, должен ли он обменяться с Вадимом Андреевичем рукопожатием.

– Да, это я, – протянул руку Вадим Андреевич.

– Попов Геннадий Прокофьевич. Я по поводу вашего исследования...

– Очень рад. Давайте присядем. – Помимо всего прочего, Вадим Андреевич рад, что на этот раз явно обойдется без водки.

Попов отрицательно покачал головой и выразительно так кивнул на дверь. В смысле, нас могут услышать.

– Вадим Андреевич! Давайте выйдем в сад.

Музей стоит посередине сада.

– Ладно, – удивлен Вадим Андреевич. – Сейчас, только куртку возьму. Все-таки уже осень.

– Попов Прокофий Иванович, мой отец, – начал Попов, как только они оказались в саду, – преподавал общественные дисциплины в нашем техникуме, был кандидатом в члены, понимаете? Две недели уже оставалось до партсобрания, где его должны были принять. Его в техникуме уже и завучем назначили, – сбивается. – Но членом он так и не стал. И с завуча его сняли. Да как сняли, свой первый инфаркт получил на этом. Потом вообще из техникума выдавили, в школу не взяли, пришлось работать на фабрике. Ну да, на нашей обувной, она у нас одна.

Вадим Андреевич терпеливо ждал, когда посетитель вспомнит, что пришел «по поводу исследования».

– Он всё ходил, объяснялся, – говорит Попов, – доказывал, что достоин быть коммунистом. Вот уже Союз распался, КПСС уже нет, а он всё ходит, доказывает. Вскоре умер. А знаете, почему всё это с ним? Да потому, что подошел он к будке Кошкина и поговорил с ним «за жизнь».

– То есть вы хотите сказать, что...

– Да.

– Но ведь «после» не всегда означает «вследствие», – начал было Вадим Андреевич.

– Еще раз! Мой отец говорил с Кошкиным за две недели до партсобрания!

– Рассказал какой-нибудь анекдот?

– Если бы, – вздохнул Попов. – Понимаете, скука, серость, пыль. И люди скучные, серые, пыльные. И не денешься никуда. А тут этот Кошкин – артистичен, забавен... хоть какая-то искра, хоть какая-то живость, если и не ума, то характера. К тому же отец говорил, что от общения с Кошкиным у него выжили какие-то народнические инстинкты. Хотел просветить, объяснить ему, как устроена «наша система». Просто за анекдот с папой бы так не поступили.

– Но, наверное, ваш отец говорил на эти щекотливые темы не только с Кошкиным?

– Они с Кошкиным были тогда одни, – Попов проигнорировал вопрос, – значит, спокойно мог и не доносить. Так нет – донес по полной. Мог же, в конце концов, донести без подробностей, а он постарался, со всей живостью ума и характера, может, еще чего и от себя добавил, так, чтобы интереснее, артистичнее вышло.

– Понимаете, Геннадий Прокофьевич, подтверждение ваших слов я могу найти только в одном единственном архиве, но меня туда, как вы понимаете, никто не пустит.

– По нынешним временам да, – кивнул Попов.

– Так что оставим это только версией.

– Конечно, если б отказался от вербовки, его будку закрыли бы тут же, – зачастил Попов, – он не только соучастник, но и жертва, так? Сейчас вы скажите, что мой отец на его месте поступил бы так же.

– Не собирался такого говорить, – возмутился Вадим Андреевич.

– Скорей всего, что да. Согласен. Но отец-то был на своем месте. На своем! – И, не переводя дыхания: – Даже если Кошкин и не мог отказаться... зачем же во вкус вошел? Почему получал удовольствие? Почему относился творчески? Мог бы уклоняться от опасных тем, а папа говорил, Кошкин сам начал с ним «о политике». Сам! – Попов запускает руку во внутренний карман пиджака, достает листок. – Вот! Люди, у них аналогичные истории. Правда, с не такими разрушительными последствиями, как у моего отца, но, – усмехнулся, – судьбы более-менее поломаны.

– Хорошо, – Вадим Андреевич взял листок. Там были три фамилии. – Спасибо. Расспрошу. Всё, что смогу, выясню.

– Когда будете писать, мое имя упоминать не надо, – сказал Попов.

– То есть? – поразился Вадим Андреевич. – Я думал, вы хотите справедливости.

– Да, хочу! Но мне здесь еще жить, – хмыкнул. – А памятник Кошкину у нас вроде как градообразующее предприятие. – Поколебавшись, сказал: – Я предприниматель, ипэшник. У меня договор с администрацией на благоустройство памятника Кошкину и прилегающего к нему цветника.

Сегодня экскурсию вместо Антона проводит Алина. Всё тот же текст, только Алина еще и рассказала, что доктор исторических наук, профессор Плужников плодотворно работает с архивными материалами, связанными с жизнью нашего Николая Ивановича Кошкина, и новые факты в ближайшее время станут нашим общим достоянием.

Вадим Андреевич потратил несколько дней, встретился со всеми из списка Попова. Да, примерно те же ситуации, примерно те же подозрения. А вот уже архивные материалы по этим людям: «освобожден от занимаемой должности», «не рекомендован», «исключен из рядов ВЛКСМ».

Гуляли допоздна. Потом поднялись к нему в мансарду. Алина осталась.

Ее доверие. Ее девственность. И то, как она всё не могла сказать ему «ты».

Вадима Андреевича позвали к телефону. Оказалось, корреспондент местной газеты. Просит об интервью. Да, наверное, соглашается Вадим Андреевич. Но несколько позже. У него плотный график, только на сегодняшнее утро назначены три встречи, и три на завтра. Так что чуть позже. Хорошо?

Она переедет в Москву. Нет, конечно, он всё понимает, но пусть вспомнит слова Шагала: он очень любил свой Витебск, но чувство было такое, что если он останется в Витебске, то зарастет мхом. А он сам, Вадим, он же не москвич. Приехал в Москву на учебу из Рыбинска. Что бы с ним было, если б так и остался в Рыбинске?!

– Ты прав, конечно, – сказала Алина. Вадим Андреевич даже удивился, что она сразу же приняла его логику. – Только вот музей... Не на кого оставить, понимаешь? Антон не справится. Только всё развалит.

– Но в любом случае ты должна жить со своим мужем, – Вадим Андреевич не ожидал, что скажет это. Но когда сказал... так легко стало. И легко и празднично.

«То есть карма человека без поступков с меня наконец-то снята?» – это у него автоматизм самоиронии, ну и для профилактики пафоса.

Родители Антона начали сбор подписей под обращением в администрацию с тем, чтобы «превратить могилу Н.И. Кошкина в объект культурного наследия». Музей идею горячо поддержал. Если точнее, музей и подал им идею. Но Алина реально смотрит на вещи, понимает, что денег муниципалитет не даст. Хоть сто раз им объясняй, что это новый приток туристов, развитие инфраструктуры и прочее. Надо искать спонсора. Точно! Пусть Вадик найдет. Тем более, что для Москвы это сущие копейки. Вадик же не последний человек в Москве. Далеко не последний. Под него деньги дадут. А уж когда он опубликует свое исследование по Кошкину!

Антон намекал, что Вадим Андреевич должен «проставиться», он же уезжает. Вадим Андреевич намеков не понимал. Но ведь он *не один* уезжает, не сдастся Антон. А сотрудники музея, как оказалось, уже готовятся к торжественным проводам «нашей Алины Игоревны и профессора». Так что «проставляться» ему придется. Да и разве может он обидеть этих людей?!

Он выслал Алине свою статью о Кошкине на электронную почту. Выслал ночью уже, как только закончил, выверил все ссылки.

Она пришла к нему утром. Бледная, круги под глазами.

– Это правда, Алина, – он начал говорить первым. – К сожалению, правда. Увы, – чувствует, что немного театральным получилось у него это «увы». Ладно, не страшно.

– Ты разрушил всё, что я сделала за эти годы... Всё, что я смогла для города... Всё.

– Мне очень жаль, Алиночка, но это правда.

– Я понимаю.

– Знал, что поймешь, – кивнул Вадим Андреевич. Он ей благодарен.

– Трудно не понять, да... Все правильно, да... Но кому будет лучше от этой правды?! – ее голос задрожал. – А хуже станет всем. Да ты и сам это знаешь, – кричит. – Не можешь не знать!

– Действительно, знаю.

– Так зачем же тогда? – детское недоумение Алины. И детская надежда, сейчас она ему объяснит. Сейчас он снова станет мудрым и добрым.

– Потому что правда.

– Хватит паясничать! – у Алины слезы в глазах. – Так вот взять и плюнуть всем в душу! – пытаюсь говорить спокойно. – Людям и так тяжело – им нужна радость.

Вадим Андреевич начинает объяснять и понимает уже, здесь не будет понимания. Вообще не будет. Думал, сейчас она сорвется в крик, в злые слезы. Но она вдруг сказала тихо:

– Не надо это публиковать. Пожалуйста. – Добавила: – Ради меня.

И так жалко ее. И на душе так кисло, и вязко.

– Ради меня, – повторила Алина.

– Аличка, если ты все еще сомневаешься, я покажу источники, – понимает, что говорит ненужные, совсем уж фальшивые слова и настолько фальшивым тоном. И тут же: – Алина, Алиночка... ты не должна так... ты так не можешь... Ведь это же ты!

Пусть только она не делает то, что делает она сейчас с его чувством к ней, с его... он не может назвать происходящее сейчас своими именами – не хочет. Вслух же у него получалось жалкое, с повторами:

– Так нельзя. Алиночка. Ну так же нельзя.

– Это немилосердно. Немилосердно. Ты... – она сбивается, ищет слово, – беспощадный. – Найденное слово придало ей решимости.

Он попытался было сказать.

– Не прикрывайся правдой! – гневное и брезгливое выражение ее лица.

– Да пойми же ты, наконец! – кричит Вадим Андреевич. – Правда не для какой-то там пользы, не для благостного твоего «добра», и от нее не отделаться, не отговориться этим твоим «пусть всем будет приятно», «лишь бы не было вреда». Правда самозначима.

– Получается, я полюбила безжалостного человека, – Алина говорит не ему, самой себе. – Беспощадного. Бездушного. Мне нужно как-то осмыслить. Я не готова.

Он устал, вымотан. Вымотан и бездарен.

– Самое печальное, что эта правда не принесет никому никакого вреда, – говорит через тупую, тяжелую, тяжелеющую головную боль. – Выйдет моя статья, а она выйдет! сколько-то человек прочтет в Москве, сколько-то здесь. И ничего не изменится. Вообще! Антон по-прежнему будет водить экскурсии. Туристы с тем же энтузиазмом будут тереть бронзовый нос Николая Кошкина, городская администрация будет всё так же напутствовать выпускников ваших школ перед сим замечательным памятником. А городские ваши интеллектуалы, пусть даже и похихикают над моей статьёй, позлорадствуют насчёт легковерия начальства, скажут глубокомысленно: «В любом случае, это нужно народу... Миф, конечно, наивный, но добрый. С ним теплее как-то». Вот что самое страшное, Алина. Самое безнадежное то есть.

Алина задумалась. Но что, если это он просто пытается ее успокоить?

Их проводили до поезда. Мама Алины и еще несколько родственников, сотрудники музея, включая сторожа (только Антона уложили спать в музейной подсобке). Всё получилось душевно и просто. Вот уже поезд тронулся. Вот пейзаж за окном.

Он, Вадим Андреевич, любит, конечно же, любит. Он успокоился после той сцены, отошел, оттаял, отругал себя за «чрезмерный драматизм» и знает, что любит. Твердо знает, да. Но чувствует, рад бы себя обмануть, но чувствует – что-то все же ушло...